

Р. В. Николаев

ОБЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КЕТСКИХ И ХАКАССКИХ ЭПИЧЕСКИХ СКА- ЗАНИЯХ

Вопросы происхождения кетов уже не одно столетие привлекают внимание исследователей. В их материальной культуре отчетливо прослеживается сходство с культурой степных скотоводов (коневодов) юга Сибири. У кетов высоко развито искусство обработки металлов. Среди кетов бытуют легенды о приходе с далекого юга. Кетский язык не имеет прочных связей ни с одной из языковых групп Сибири, в то же время прослеживаются его связи с языками народов Центральной и Юго-Восточной Азии. Все эти факторы вызвали появление множества теорий о происхождении кетов.

Выдающийся лингвист прошлого столетия А. М. Кастрен впервые на основании языковых и фольклорных данных, предположил, что кеты продвинулись в Туруханский край с территории Саяно-Алтая¹. Н. А. Аристов в своей работе о происхождении тюркских племен на основании большого археологического, этнографического и фольклорного материала выдвинул обоснованную гипотезу, что среди хакасов и древних тюрков имеется определенный кетский этнический субстрат². Г. Рамстед и К. Доннер говорили о связи кетского языка с языками сино-тибетской группы в Центральной и Юго-Восточной Азии³. В. Г. Богораз утверждал, что в языках южносибирских тюрков: шорцев, карагасов (тофаларов), сойотов (тувинцев) «под турецким (т. е. тюркским.— Р. Н.) слоем» сохраняются реликты каких-то более древних, предположительно, палеоазиатских наречий. Носителями их он считал кетоязычные племена⁴. С. И. Вайнштейн выдвинул гипотезу о происхождении кетов из двух компонентов — местного палеоазиатского и пришлого кетоязычного. Он считает, что наличие одного общего этнического элемента в составе кетов и хакасов более чем вероятно⁵. А. П. Дульзон в результате многолетних исследований пришел к выво-

¹ А. М. Кастрен, Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. «Магазин земледелия и путешествий», т. VI, М., 1860, стр. 362.

² Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, СПб., 1897, стр. 46—55, 69—73.

³ G. Ramstedt. Über den Ursprung der sogenannten Jenissei-Ostjaken, «Journal de la Société finno-ougrienne», Helsingfors, t. XXIV, 1907; K. Donner, Beiträge zur Frage nach dem Ursprung der Jenissei-Ostjaken, «Journal de la Société finno-ougrienne», Helsinki, t. XXXVII, 1916—1920; егo же, Über die Jenissei-Ostjaken und ihre Sprache, «Journal de la Société finno-ougrienne», Helsinki, t. XLIV, 1930.

⁴ В. Г. Богораз, Древние переселения народов в Северной Евразии и Америке, «Сборник музея антропологии и этнографии» (далее — СМАЭ) т. VI, 1927, стр. 41—51.

⁵ С. И. Вайнштейн. К вопросу об этногенезе кетов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XIII, 1951.

ду о связях кетского языка с рядом языков Кавказа. Он установил также, что кетская топонимика широко распространена в бассейне Томи, на территории Хакасии, Северной Тувы и в бассейне Кана⁶.

Однако до настоящего времени фольклор недостаточно использовался для выявления дотюркского субстрата в составе народностей Южной Сибири.

В частности, с этих позиций не подвергалось анализу замечательное произведение устного народного творчества — хакасский эпос «Албынжи», позволяющий, на наш взгляд, исследовать древние этнические связи кетоязычных и тюркоязычных племен Минусинской котловины.

В эпосе и сказках современных кетов содержатся почти все основные элементы эпоса хакасов. При этом совпадает не только общая сюжетная канва, но в ряде случаев и детали, которые не встречаются в фольклоре других народностей Сибири; в том числе и у соседей кетов и хакасов. На наш взгляд, такое совпадение не может быть случайным и свидетельствует о тесных связях в прошлом этих двух этнических групп.

В настоящей статье использован текст «Албынжи» в изложении известного хакасского сказителя С. П. Кадышева, переведенный Кычаковым⁷.

Аналогичный текст на хакасском языке, подготовленный к изданию В. И. Доможаковым и Д. И. Ченковым в 1961 г., опубликован в сборнике Хакасского НИИЯЛИ «Героические сказания» («Алыптыг нымахтар»).

Других публикаций эпоса нет.

Основой сюжета «Албынжи» является борьба богатырей Албыгана, его сына Хулатая и внука Албынжи с враждебными народу темными силами, персонифицированными в лице чудовища женского рода — Ызүт-арыг, ее отца и дочерей. Албыган гибнет в борьбе с врагами. Его сын Хулатай могуч телом, но слаб духом. Он вспыльчив, себялюбив. Погоня за славой для него важнее судьбы народа. Начав бороться с Ызүт-арыг, он попадает под власть ее колдовских чар и даже вступает с ней в брак. Сын Хулатая Албынжи предан народу, готов отдать за него жизнь. Он борется с Ызүт-арыг и подвластными ей темными силами, то побеждая, то терпя поражение. В борьбе он гибнет, но затем чудесным образом воскресает и уничтожает Ызүт-арыг, потопив ее в морских волнах («Албынжи», стр. 99).

Нескончаемая борьба Албынжи и Ызүт-арыг напоминает борьбу богатыря Альбы и его двойника шамана Доһ'а со злой богиней Хосядам в кетском эпосе. Хосядам владеет загробным миром, живет она у моря в каменном доме и пожирает души людей⁸. Как и в «Албынжи» борьба в эпосе кетов идет с переменным успехом. В конце концов Хосядам, как и Ызүт-арыг, исчезает в волнах Северного моря и след ее теряется⁹. По сюжету Хосядам тесно связана с водной стихией. Порой она выступает в виде червя или рыбы, проложившей русло Енисею¹⁰.

В Албынжи само имя Ызүт-арыг указывает на ее хтоническую сущность. Ызүт по-хакасски значит душа покойника. В некоторых случаях это слово может обозначать черта. Ызүт-арыг живет также у моря.

Стоит там юрта из черных камней.

У входа — груды белых костей.

(«Албынжи», стр. 99)

⁶ А. П. Дульзон, Былое расселение кетов по данным топонимии «Вопросы географии», № 58, 1962; его же, Кетский язык, Томск, 1968, стр. 607.

⁷ «Албынжи. Сказитель С. П. Кадышев. Перевод И. Кычакова», Абакан, 1951. Далее сноски на «Албынжи» даются в тексте.

⁸ В. И. Анучин, Очерк шаманства у енисейских остяков, СМАЭ, т. II, вып. 2, Л., 1914, стр. 11.

⁹ Там же, стр. 4; Полевые записи автора, 1959 г.

¹⁰ Полевые записи автора, 1959 г.

Узът-арыҕ, как и Хосядам, связана с водной стихией. Только один раз в «Албынжи» говорится о том, что Узът-арыҕ приходит со стороны пустыни («Албынжи», стр. 36). Эти «сведения» явно противоречат тому, что говорит о себе она сама: «Вышла из болотной тины я» («Албынжи», стр. 34). Противоречат они и тому образу жизни, который она рисует своим женихам Хан-Мергену, а затем Хулатау:

Теперь ты навеки уйдешь со мной,
У моря спокойного будем жить,
Тебя я лягушками буду кормить...
Болотной водой щедро поить.

(«Албынжи», стр. 46, 47)

Ни в кетском, ни в хакасском эпосах нет описания внешности отрицательных персонажей. По данным В. И. Анучина, кеты говорят только, что Хосядам отвратительна, а след ее похож на след дикого зверя, каждый раз другого. Только хороший шаман может его определить¹¹.

В «Албынжи» внешность Узът-арыҕ характеризуется следующими словами:

Что там такое — не разобрать,
Человеком нельзя назвать,
Черным зверем нельзя назвать.

(«Албынжи», стр. 34, 46)

В кетском эпосе Альба неоднократно освобождал проглоченные Хосядам¹² души людей. Утроба Хосядам в данном случае олицетворяет загробный мир.

Албынжи, победив Узът-арыҕ, выдергивает из земли скалу, закрывавшую вход под землю и освобождает томящихся там людей («Албынжи», стр. 100). Подземный мир у кетов и у хакасов ассоциируется с загробным миром.

Некоторые детали эпоса «Албынжи» не имеют прямых параллелей в сказаниях об Альбе (Дон'е), однако яркие аналогии им встречаются в сказках кетов.

Например, в «Албынжи» имеется такой эпизод: после гибели деда Албынжи — богатыря Албыгана, его младшая дочь Чарых-кеек живет в лесу в шалаше на берегу р. Хан-Харасуг и питается рыбой, которую ловит вершей («Албынжи», стр. 21).

Характерно, что такой образ жизни Чарых-кеек ни в коей мере не похож на быт степняков-скотоводов, а типичен для рыбаков тайги.

Чарых-кеек ничего не знает о своем происхождении. Но однажды кукушка сообщает ей, что она дочь Албыгана, а ее брат Хулатай окаменел вместе с конем. Чарых-кеек может его оживить с помощью целебной травы «трехветвистого саргая» («Албынжи», стр. 23, 24). Чарых-кеек отправляется в путь и оживляет брата.

Героиня популярного у кетов цикла сказаний о Кайгусь живет в одиночестве, не ведая, что у нее есть брат. Птицы сообщают красавице Кайгусь о смерти брата и спрашивают, почему она его не оживит. Кайгусь находит брата и оживляет¹³.

С образом Узът-арыҕ неразрывно связана трехногая кобыла. Об Узът-арыҕ говорится:

Сидит внушающая дикий страх
На черной кобыле о трех ногах.

(«Албынжи», стр. 36, 46, 90)

¹¹ В. И. Анучин, Указ. раб., стр. 5.

¹² Там же, стр. 11.

¹³ А. П. Дульзон. Очерки по грамматике кетского языка, Томск, 1964, стр. 157.

В кетском фольклоре также упоминается трехногая лошадь, связанная с потусторонними силами. В одной из сказок популярный герой Каскет гонится за лисичкой. Лисичка превращается в трехногого коня и герой едет на нем к шаманскому дереву¹⁴.

В сказке о дочери солнца Хосядам отрезает ногу коню, на котором дочь солнца отпустила юношу с неба на землю навестить сестру. Юноша наскоро приделывает ногу коню и убегает от Хосядам, однако она догоняет его, потому что конь скачет на трех здоровых и одной больной ноге¹⁵. В другом варианте этой же сказки за всадником гонится черт, который догоняет коня и отрывает у него одну ногу¹⁶.

Возмужав, юный Албынжи опускается на дно моря и побеждает повелительницу водной стихии — чудовищную рыбу Кир-Палых. По совету Кир-Палых он добывает в подводной скале богатырские доспехи, волшебные шарик и посох, коня для своего друга и белого волка Ах-пуура для себя («Албынжи», стр. 63, 65).

Албынжи вместо коня ездит на чудесном белом волке — Ах-пууре. Кир-Палых говорит Албынжи:

Встанет Ах-пуур — белый волк перед тобой,
Волк-богатырь с гривой густой.
Он вместо коня будет тебе,
Он верным помощником будет тебе.

(«Албынжи», стр. 65)

Образ волка (или волчицы), помогающего герою, широко распространен в фольклоре народов средней полосы Азии и Европы.

У древних тюрков волчица выкармливает младенца — основателя династии каганов — Ашина¹⁷, подобно капитолийской волчице, выкормившей Ромула и Рема. В русских сказках Иван-царевич ездит на сером волке, а у древних хунну бытовало предание о происхождении их беспокойных северных соседей — уйгуров от связи дочери хуннского шаньюя с волком¹⁸.

В фольклоре же населения из таежных районов северной Сибири (у кетов и их соседей эвенков) волк упоминается сравнительно редко. Тем более интересны немногие произведения кетского фольклора, где волк выступает почти в той же роли, что и в «Албынжи».

В одном из вариантов сказки о Кайгусь оживленный ею брат едет искать себе жену сначала на лодке, а затем верхом на волке¹⁹. П. И. Третьякову удалось зафиксировать у кетов следы каких-то древних верований, помещавших волка даже в верхнем мире²⁰. По данным Третьякова, кеты называют бога «Уп» (кетск. «Оп» — отец. — Р. Н.). Он живет в облаках и походит на волка. Гром — это его рычание.

Большую роль в эпосе «Албынжи» играют птицы, особенно кукушка. В кетском шаманстве птицы имеют особое значение: их считают небесными существами²¹. Многие духи у кетов выступают в образе птиц²².

Старшую дочь богатыря Албыгана зовут Алтын-кеек (золотая кукушка). Когда Албыган гибнет в борьбе с врагами, Алтын-кеек пре-

¹⁴ А. П. Дульзон. Кетские сказки и другие тексты, «Кетский сборник», 1969, стр. 184.

¹⁵ «Сказки народов Севера», М.—Л., 1959, стр. 175.

¹⁶ Полевые записи автора, 1958.

¹⁷ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 220, 221.

¹⁸ Там же, стр. 215.

¹⁹ А. П. Дульзон, Кетские сказки, Томск, 1966, стр. 31.

²⁰ П. И. Третьяков, Туруханский край, его природа и жители, СПб., 1871, стр. 200.

²¹ Устное сообщение Г. Х. Бальдиной (кетка, 1940 г. рожд., пос. Келлог Туруханского района Красноярского края), запись 1966 г.

²² В. И. Анучин, Указ. раб., стр. 28, 54—56.

вращается в кукушку и улетает («Албынжи», стр. 107). Имя младшей дочери Албыгана — Чарых-кеек (чистая кукушка). Известие о том, чья она дочь и наказ оживить Хулатая приносит ей кукушка («Албынжи», стр. 23, 24). Выполнив наказ, Чарых-кеек улетает, обернувшись кукушкой («Албынжи», стр. 28). После бегства младенца Албынжи Ызүт-арыг преследует своего сына. Ей сопутствует околдованный ею Хулатай, ставший ее мужем. Враги достигают Албынжи. Начинается борьба, в которой Хулатай на стороне Ызүт-арыг. Внезапно раздается песнь кукушки и злые чары оставляют Хулатая. Он переходит на сторону сына, и Ызүт-арыг исчезает («Албынжи», стр. 50). Позже, когда Албынжи и его друзья-богатыри гибнут в бою с Ызүт-арыг и ее воинством, прилетает Чарых-кеек в образе кукушки и оживляет их волшебными травами («Албынжи», стр. 93, 94).

В кетском шаманстве кукушка также занимает значительное место. В районе оз. Модуйки в недавнем прошлом весьма почитался идол (холоуй) в виде кукушки²³. Кеты верили также, что съев кукушку, изжаренную на семи рожнах²⁴, можно стать колдуном (баннос, банокет)²⁵.

Важно, что и в эпосе кетов, и в «Албынжи» грозные потусторонние силы — женского пола (Хосядам и ее эквивалент — Доотам, Ызүт-арыг и ее дочери). Борющиеся с ними отважные богатыри — мужчины (Альба, Албынжи и его друзья).

Подобные сюжеты, характерные для глубокой древности, отразили борьбу патриархальных начал с уходящим матриархатом²⁶.

Поразительно сходство не только основной сюжетной и идейной линии, объяснимое сходными условиями возникновения эпосов, но и множества деталей. Это позволяет предположить, что оба эпоса появились в одно и то же время, на одной и той же территории, и возможно, в одной и той же этнической среде.

В связи с этим представляется неслучайным и тот факт, что основа имени богатыря Албынжи начинается с элемента «Алб», т. е. с имени Альбы — героя эпоса кетов. Думается, что вначале это был один эпос и лишь потом, когда народ разделился на две части, у каждой из них эпос стал развиваться самостоятельно.

В «Албынжи», как кажется, можно найти указания на то, когда произошло это разделение. Мы уже говорили, что в кетском эпосе отсутствует описание Хосядам. Сказано только, что вид ее ужасен. Это совпадает и с первыми строками описания Ызүт-арыг. Но затем следует уточнение, которое представляется нам вторичным:

Лицом страшилище земли черней,
Сажени не хватит между ушей,
Пестро змеинные косы у ней,
Глаза лягушачьи раскосы у ней.

(«Албынжи», стр. 36, 46 и сл.)

При всей фантастичности описания проступает важная деталь: чудище имеет монголоидные черты — у него широкие скулы («сажени не хватит между ушей») и эпикантус («глаза... раскосы»). Такой портрет врага мог нарисовать народ, который сам не был монголоидным. Образ Ызүт-арыг в эпосе отождествлен с реальным врагом — монголоидами, идущими с юга из пустынь. Неслучайно в «Албынжи» говорится, что Ызүт-арыг приходит со стороны пустынных белых степей («Албынжи», стр. 36, 46).

²³ Устное сообщение В. М. Серковой (кетка, уроженка пос. Серково Туруханского района Красноярского края).

²⁴ Т. е. деревянных вертедах.

²⁵ Е. А. Алексеевко, Кеты, Л., 1967, стр. 193.

²⁶ См. например, А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 43, стр. 330—333.

Это могло произойти, когда население Минусинской котловины имело еще европеоидный облик, а с юга из Монголии надвигались грозные и могучие враги, имевшие облик монголоидный, т. е. в III—I вв. до н. э. — в первые века новой эры, когда в Минусинскую котловину с ее европеоидным населением хлынули завоеватели — хунну, тюрки, кыргызы²⁷.

На наш взгляд, неслучайно предания о богатыре и его коне, сходные с сюжетом «Албынжи», зафиксированы у двух древних этнических групп Саяно-Алтая.

Первый вариант рассказан А. Н. Липскому сагайцем В. Сунчугашевым²⁸. Енисейский богатырь, подобно Хулатаю, отправляется на юг и там в степях встречает девушку, с которой вступает в борьбу (сюжет аналогичен поединку Хулатая с Узүт-арыг). Девушка обращается за помощью к своей сестре и вдвоем они одолевают богатыря, покинувшего родину. Потом они пытаются победить его народ, но это им не удается до тех пор, пока жив богатырский конь. Когда коня, наконец, убивают, остается все же дух «рыжего изыха»²⁹, который продолжает вредить родам хыргыс и туран. Эти два последних имени указывают на то, что противники богатыря были связаны по происхождению с древними киргизами и вообще с тюрками. Напротив, упоминание именно рыжего изыха связывает богатыря с кетским этносом, так как обычай посвящать в изыхи рыжих коней был характерен для хакасского рода ара, происходящего от кетоязычных аринцев³⁰. Сходный вариант предания имеется и у камасинцев³¹. Воспоминания о былом могуществе аринцев долго жили среди населения Минусинской котловины³²; с другой стороны, кетский эпос упоминает о сильных и страшных врагах, от преследования которых кетам пришлось бежать вниз по Енисею³³.

Это подтверждает предположение, что и «Албынжи», и кетский эпос об Альбе имеют один источник, на основе которого оба они развивались. По всей вероятности, эпос «Албынжи» в основе своей — дотюркский. Его творцом могло быть дотюркское население Минусинской котловины, ближайшие сородичи которого современные кеты; их отдаленные предки переселились из Южной Сибири на Север под напором тюрков. Другая часть этого населения, видимо, осталась на месте, приняла участие в формировании хакасской народности и передала ей свой эпос; на его основе и возникло сказание «Албынжи». Есть и другие связи фольклора кетов и ныне тюркоязычных народностей Саян, но это тема особого исследования.

Дальнейший сравнительный анализ фольклора кетов и народностей Саяно-Алтая представляется перспективным в целях выяснения вопросов этногенеза и этнической истории обеих групп.

²⁷ В. П. Алексеев, Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии. «Материалы по археологии, этнографии и истории Красноярского края», Красноярск, 1963, стр. 160, 161.

²⁸ Устное сообщение А. Н. Липского, 1955.

²⁹ В верованиях хакасов в прошлом изых — конь, посвященный «покровителю скота» Изых-хану.

³⁰ Р. В. Николаев, У последних камасинцев, «Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ», вып. XIII, серия № 1, 1969, стр. 62.

³¹ Там же, стр. 59.

³² А. Кастрен, Указ. раб., стр. 375.

³³ В. И. Анучин. Указ. раб., стр. 4; его же, В стране черных дней и белых ночей, «Знание для всех», 1916, стр. 5—6.